

В. П. АНДРОСОВ

**Москва и Петербург
в литературных отношениях**

Гоненье на Москву!

Грибоедов

С давних пор некоторые петербургские журналисты селятся показать, что между Москвою и Петербургом существует непримиримая литературная вражда. Мы считаем обязанностью опровергнуть перед нашими читателями эту несправедливую мысль, которая пущена в ход с особенною целию, как мы увидим, и вместе с тем вступить за честь Москвы, которая терпит оскорбления не от Петербурга (Петербург в этом нисколько не участник), а от двух-трех журналистов в Петербурге.

С давних пор «Северная пчела»¹ при всякой плохой книжонке, изданной в Москве на плохой бумаге, не пропускает своих обыкновенных восклицаний: «Вот какие книги Москва нам посылает! Вот что Москва пишет! Вот как Москва печатает!» и проч. Г<-н> Булгарин² в своих статьях, издаваемых в «Северной пчеле», не перестает уверять читателей, что московские журналы существуют на то, чтобы порицать журналы и сочинения петербургские, что московские литераторы — враги петербургским и проч. «Библиотека для чтения»³ в одном из номеров прошлого года выразилась так о Москве своим обыкновенным тоном: «Что делает Москва? Москва ругается!..» Наконец, в феврале этого года по случаю одного романа, который цензурован в Москве и издан в Петербурге, после длинного рассуждения о ножах московских фабрик, на которых выставляется фальшивый London, она объявила, что петербургский ум п р о д а е т с я дороже московского восьми-десятью процентами, что петербургских романов требует публика, а московских не покупает, и проч. и проч.

«Москва ругается!» Мы имели бы право спросить: а что же делает Петербург, печатая подобные слова, если бы мы приписывали их Петербургу? — Повторяем, что Петербург в этом нисколько не участвует, и не обвиняем его: это слова партии некоторых журналистов.

До сих пор мы думали, что есть московские ситцы, московские шляпы. Петербургские сиги, петербургская навага, корюшка, ряпушка; мы всегда были благодарны Петербургу за то, что он снабжал нас этою прекрасною рыбою, но, кроме этого, нам объявляют еще, что есть какой-то особенный п е т е р б у р г с к и й у м, который также п р о д а е т с я... Но, скажите, если есть петербургский ум, да московский ум, — отчего же не быть ума астраханского, одесского, архангельского, саратовского, пензенского, тамбовского и проч.? После этого, не будет ли 54 ума в России по числу губерний?..

П е т е р б у р г с к и е р о м а н ы п р о д а ю т с я в ы г о д н е е м о с к о в с к и х и б о л е е т р е б у ю т с я п у б л и к о ю... Мы не знаем, что такое петербургские и московские романы... Мы знаем только русские романы, где бы ни были они изданы... Но если «Б<ибблиотека> для чтения» понимает под этим словом романы, изданные в Петербурге, то это неправда... Первый лучший русский роман: «Юрий Милославский»⁴, имевший успех столько блистательный, издан в Москве. Он расходуется уже третьим изданием, до которого не дожил ни один роман, изданный в Петербурге. Романы г. Лажечникова⁵, которые также очень любимы публикою и теперь у нас первенствуют, изданы в Москве. Марлинский⁶, один из любимейших писателей наших, давно живет на Кавказе, след<овательно>, ум его может назваться и кавказским. «Аммалат-Бек», лучшая его повесть, напечатана в первый раз в московском журнале. Повести Павлова⁷ изданы в Москве. — Повести Мельгунова⁸, заслужившие похвалу даже «Библиотеки для чтения», также. — Петербург издал «Монастырку», повести Безгласного⁹ и «Миргород». Автор «Монастырки» живет теперь в Москве и в ней учился; Безгласный есть также питомец Москвы; автор «Миргорода» приехал из Нежина. — Что касается до семейства Выжигиных, «Черной женщины» и фантастических путешествий Барона Брамбеуса¹⁰, то Москва охотно уступит честь издания всего этого Петербургу.

«Северная пчела» преследует типографские изделия Москвы. Надобно вспомнить, однако, что в Москве типографское искусство древнее петербургского. Есть типографии, которые остались в прежнем их виде и не улучшились со времени основания. Но мы укажем на типографию

Г. Семена, которая щегольством и красотою изданий не уступит ни одной петербургской. Мы смеем сказать, что этот журнал, теперь развернутый перед читателем, может похвалиться своею наружностью перед всеми петербургскими, и что такого издания еще не было в Северной столице. — Итак, Москва напрасно терпит эту напраслину от петербургских журналистов за свои издания.

«Московские журналы существуют на то, чтобы преследовать петербургские сочинения!..» Неправда. — Давно ли вышли стихотворения Бенедиктова? ¹¹ Где приветствовали поэта со всем жаром восторга беспристрастного? В московском журнале. Где приняли его холодно? В «Библиотеке для чтения». В прошедшем году явился «Миргород» Гоголя, его «Тарас Бульба», одно из украшений современной русской словесности. Кто принял с жаром это произведение? Московские журналы. Кто пропустил без внимания и преследовал Гоголя в других его произведениях? «Библиотека для чтения». Талант Кукольника ¹² был ею поднят до небес и поруган. В Москве его оценили по внутреннему достоинству, без восторга и без предубеждения.

Но сочинения г. Булгарина и Барона Брамбеуса в московских журналах не нашли отголоска одобрительного?.. А! так вот в чем и тайна! Вот почему «Библиотека для чтения» говорит, что Москва ругается! Вот почему «Северная пчела» уверяет, что московские журналы преследуют все петербургское, как будто все петербургское заключается в сочинениях гг. Булгарина и Брамбеуса! Частное дело хотят превратить в общее — и нерасположение к сочинениям известных писателей, не находящихся сочувствия и здесь, и во многих местах, и в самом Петербурге, объясняют небывалою литературною враждою двух столиц!

Замысел колоссальный!

А это в самом деле замечательно, что ни один из московских журналов, несмотря на разность их мнений в других отношениях, не объявил сочувствия к сочинениям гг. Булгарина и Б. Брамбеуса. «Московский вестник», «Московский телеграф», «Телескоп» ¹³ и «Московский наблюдатель», как ни были недружны между собою, а в этом соглашались. Но были, есть и теперь петербургские журналы, которые в этом разделяли мнение московских журналов. Вспомним «Литературную газету» ¹⁴ и взглянем теперь на «Литературные прибавления» к «Инвалиду». Прочие журналы, «Северная пчела», «Сын Отечества» ¹⁵ и «Библиотека для чтения» взаимно хвалят сочинения гг. Булгарина и Брамбеуса, потому что эти журналы издаются гг. Булгариным и Брам-

беусом. В «Северной пчеле» г. Булгарин, издатель ее, всегда хвалит самого себя. К тому же, разве собственно петербургское не нравится московским журналистам в сочинениях гг. Булгарина и Б. Брамбеуса? Ведь хвалят же они другие произведения, издаваемые в Петербурге? — Следственно, им не нравится в них не то, что принадлежит Петербургу, а то, что, собственно и исключительно, принадлежит гг. Булгарину и Б. Брамбеусу, и никому более. — Итак, здесь вражды Москвы с Петербургом вовсе не существует.

«Московские журналы существуют на то, чтобы бранить журналы петербургские?..» Опять неправда. Московские журналы враждовали и враждуют так же между собою, как и петербургские. Вспомним отношения «Вестника Европы» и «Московского вестника» к «Московскому телеграфу»¹⁶, сего последнего к «Телескопу», который и теперь не совсем благоволит к «Московскому наблюдателю». Вспомним вражду «Литературной газеты» с «Северной пчелой», в глазах наших «Литературные прибавления» воюют неутомимо с «Библиотекой для чтения» и выражают свою приязнь к «Московскому наблюдателю». — Наконец, не сейчас ли вспыхнула среди Петербурга жестокая брань между «Сыном Отечества» и «Библиотекою для чтения»? Вызов решительный. — Явно, что и здесь вражды между Москвою и Петербургом не существует.

Наконец, скажем решительно, что мы не понимаем различия между московским и петербургским литератором и думаем, что оно никогда не существовало и не может существовать, особенно с тех пор, как заведены дилижансы и как стало возможно литератору через четыре дня из московского сделаться петербургским и обратно. Когда будут у нас железные дороги и паровые кареты, это превращение совершаться будет в несколько часов. — В истории литературы нашей трудно и невозможно определить, что принадлежит Москве, и что Петербургу. Москва издревле была школою и рассадником литераторов. Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Мерзляков¹⁷ учились в ней: это все литераторы, образовавшиеся классически. Пушкин учился в Петербурге, но в его воспитании литературном, конечно, еще более участвовали Жуковский и Карамзин. Москва есть колыбель «Истории государства Российского»¹⁸. — Здесь зачалась мысль этого произведения. — В Петербурге оно окончено. — Неужели же Москва и Петербург будут спорить о том, за кем из них останется произведение, принадлежащее целой России?

Итак, нет у нас ни московской, ни петербургской литературы, но есть одна литература русская: так да не будет же у нас ни

московских, ни петербургских литераторов, но да будут литераторы русские. — И все они да соединятся к тому, чтобы общими силами подвигать словесностью нравственный успех общества и противодействовать духу промышленности, духу безвкусия и духу междоусобия, который сродно питать пришельцам, ищущим приключений в нашей словесности.

1836

